

Ф. М. Решетников. Между людьми

 Воспроизведено с издания:

Ф.М. Решетников. Между людьми. Повести, рассказы и очерки. Изд. "Современник", М., 1985 г.

Оригинал находится здесь: [Русский писатель Ф. М. Решетников](#).

ОТ АВТОРА В ВИДЕ ПРЕДИСЛОВИЯ

Мне нравится ходить в кабаки, каких в Петербурге очень много, и нравится ходить преимущественно в многолюдные, находящиеся на многолюдных улицах, где живет рабочий народ; также нравится ходить и в дешевенькие трактиры, гостиницы, когда по вечерам, в будни, под праздник и в праздники, стекается отвести душу простой народ. Подите вы в воскресенье Апраксиным переулком между Садовой и Фонтанкой – и вы увидите много рабочего народа, который то стоит кучками, то сидит в разных местах, то заходит в питейные и трактирные заведения. Из этих заведений слышатся крики, песни и пляски, и вам придет в голову: экой этот народ пьяница! Но не так заключаю я.

Не помню, которого числа февраля или марта месяца 186* г. я зашел в один дешевенький трактир. Выпив рюмку водки, я сел к столу и закурил папироску. Народу было не так чтобы много, но для этого трактира достаточно. Песни и пляски рабочих и мелких торговцев слышались даже на улице, поэтому легко себе представить читателю, что значат песни и пляски в самом трактире, – а это знает, я думаю, каждый житель Петербурга. Но кроме этого, в трактире много было спорщиков, которые, сидя за столами, выпивали очищенную, крымскую или наливку, закусывая огурцами, редькой или просто куском хлеба. Было много и таких, которые сидели поодиночке: недалеко от меня сидел человек в чуйке, покачивался и что-то бормотал; возле него сидел человек в армяке и несвязно выговаривал: "В орган заиграй!.. заиграй... пяти цалковых не пожалею!.. все отдам..." Сцен много; различные эти сцены часто доходят до драк, и жалко становится за человека, да ничего тут не поделаешь, и всякое насилие для того, чтобы остановить пьянство, будет напрасно. Почему это так, мы увидим дальше.

За одним столом со мной сидел человек лет двадцати шести. Таких людей мы видим постоянно и не обращаем на них никакого внимания. Первое, что бросается в глаза, – это растрепанные волосы, бледное лицо, разбитая бровь. Надето на нем суконное пальто, грязное, продранное в разных местах, изобличающее его в том, что он или драться любит, или его бьют. Пальто он не закрывается; поэтому полы пальто лежат на полу, и видится грязная холщовая рубашка и серые тиковые коротенькие брюки; на ногах что-то вроде калош. Но он еще не пьян. Положивши руки на стол, левую на правую, и сжавши не мытые с неделю кулаки, он зорко наблюдает за людьми своими серыми глазами и, кажется, хочет вмешаться в разговоры, да сдерживается. Я заметил, как он посмотрел на меня, когда я вошел в трактир, как выпил рюмку водки и строго взглянул, когда я сел... Ему, как видно, хотелось заговорить со мной, но я уклонялся от этого, а он не начинал. Вдруг он сказал мне:

– Одолжите мне, если есть, папироску! Я дал. По произношению я затруднился заключить: рабочий ли он, или из чиновного разряда.

– Не поверите ли, как хорошо здесь.

– Почему?

– Народ хороший. Славный народ... Выпьемте.

Мы выпили по рюмке.

А в соседней комнате какой-то господин настроивал на гитаре "Во саду ли в огороде девица гуляла" и другие песни, и под эту игру публика плясала и пела. Вдруг к моему соседу подошел здоровенный мужчина в красной рубашке и в синих выбойчатых штанах. Он был полупьян. Ударив по плечу соседа, он сказал:

– Петька! спой "возле речки".

– Неохота.

– А, чтоб те!.. выпить, што ли, хошь?

– Нет... – В голосе его слышалось отчаяние. Мужчина принес к нему косушку перцовки. Выпили, и мой сосед ушел в соседнюю комнату, где плясали.